

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНТЕКСТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Янушевич И.И. (Минск, БГУ)

Исследование конфессиональной политики немецко-фашистского оккупационного режима на советских территориях и спустя многие десятилетия после трагических для нашего Отечества событий остается актуальным и значимым. С одной стороны это перерыв в более чем двадцатилетнем периоде атеистического угара. Новое атеистически настроенное политическое руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. В силу того, что бороться одновременно со всеми религиозными организациями большевики не имели возможности, главным их политическим противником стала Русская православная церковь. Не имея какой-то более менее ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути максимального уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же разрушения ее административно-управленческой структуры. Всячески ограничивалась деятельность религиозных общин. К 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [1, с.173]. Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [2, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [1, с. 179].

С другой стороны, религиозная жизнь в период фашистской оккупации на территории Беларуси активизировалась. За первый год

оккупации в Минской епархии, из бывших там до революции 400 приходов, было вновь открыто 120 [3, с. 211]. Оккупанты не разрешили открыть в Минске семинарии. Вместо них были организованы краткосрочные курсы и каждые несколько месяцев, по окончании курса обучения, рукополагалось от 20 до 30 священников, дьяконов и чтецов. Гитлеровцы пытались таким образом завоевать симпатии населения. В тоже время следует отметить, что все религиозные организации действовали в полной зависимости от оккупационных властей и должны были решать навязываемые им задачи [4, с. 78].

Предпринимая нападение на СССР, фашисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. В системе Главного управления имперской безопасности имелся специальный «церковный отдел». В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей. Он также обеспечивал продвижение «своих» людей на различные иерархические должности, в церковные и общественные фонды. Немецким руководством поддерживалось любое стремление к дроблению и противостоянию религиозных организаций на прежних советских территориях. А.Гитлер обозначил в апреле 1942 г. свое видение религиозной политики: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение дел, при котором каждая деревня имела бы собственную секту где развивались бы свои собственные представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индийским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличивало бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы» [5, с. 106].

Экзарх западных областей Украины и Беларуси Николай (Ярушевич) находился в Москве. В марте 1942 г. собор белорусских епископов избрал епископа Пантелеймона митрополитом Беларуси. Открывались шесть епархий [6, с. 274]. Согласно выдвинутым властями требованиям Православная Церковь в Беларуси должна называться «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». Проповедь, обучение Закону Божию и церковное делопроизводство должны были вестись на белорусском языке, а богослужения совершаться на церковнославянском языке. Назначение же епископов, благочинных и священников могло производиться с ведома немецкой власти.

Националистические деятели, прибывшие с оккупационными войсками пытались поставить Белорусскую церковь под свой контроль. Пантелеймон, вопреки желанию националистов и немецких властей, не провозгласил Белорусскую церковь автокефальной. Он отказывался проповедовать по-белорусски на том основании, что языком городского населения считал русский. По настоянию националистов оккупационные власти заключили Пантелеймона в монастырь и передали управление Церковью его помощнику, архиепископу Филофею (Нарко), который получив от Пантелеймона письменное разрешение созвал 30 августа 1942 г. белорусский церковный собор. Националисты приложили все усилия, чтобы склонить собор на свою сторону. (Некоторые священнослужители не смогли вовремя приехать в Минск из-за вмешательства германских властей.) В постановления собора было включено заявление об автокефалии Белорусской церкви. Однако, провозглашения автокефалии фактически не произошло. В уставе было записано: «Каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными православными церквями» [6, с. 219]. 2 сентября 1942 года Собор принял обращение к Константинопольскому патриарху и другим патриархам восточных церквей с просьбой признать

Белорусскую православную церковь автокефальной. Между тем автокефалия никогда не упоминалась ни в церковных документах, ни в официальной церковной печати. В мае 1944 г. собор белорусских епископов объявил постановления собора 1942 г. недействительными на том основании, что на этом соборе отсутствовали два старших белорусских епископа, которые не были допущены на собор оккупационными властями. Московская патриархия не признала каноничность БАПЦ. В 1944 г., с возвращением советских войск, провозглашенная автокефалия была ликвидирована. Несмотря на намерения некоторых архиереев хоть таким образом обеспечить религиозные потребности верующих, их политический выбор был антинародным. Очевидно, что провозглашение автокефалии в 1942 г. качественно отличается от аналогичных попыток 1922 г. и 1927 г., являвшихся способом сохранения Церкви в условиях кризиса в управлении Матерью-церковью, а не жаждой властовования и политической коньюктурой. Во всех трех случаях важную роль играла интеллигенция. Однако если в 1920-е гг. националисты были вдохновителями автокефалии, то в 1942 г.

Конфессиональная политика нацистов в Беларуси не имела успеха. Верующие стремились к религиозному возрождению, а не к «германизации» и «гитлеризации» своей Родины. Руководствуясь гражданскими чувствами, священники и верующие не ограничивались молебнами, а с первых дней войны участвовали в помощи фронту и тылу. Многие священники солдатами и офицерами прошли дорогами войны, а некоторые из них участвовали в партизанском движении, хотя, безусловно, были редкие случаи антинародной деятельности и в среде православных клириков.

Література:

1. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальной палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск, 1998.
2. *Протъко, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протъко. – Минск, Тесей, 2006.
3. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М., 1995.
4. *Ярмусік, Э.* Рэлігія і царква ў палітыцы нямецкіх акупантаў на Беларусі (1941-1944 гг./ Э. Ярмусік // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Mn. 2000.
5. *Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны / М.И.Одинцов.– М. 2005.
6. *Мартос, А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, 1966. Репринт: Mn.: 1990.